

ДЕТСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
КЛУБ

ПОХИЩЕНИЕ ЛУННОГО КАМНЯ

Владимир
СОТНИКОВ

Владимир Михайлович Сотников

Похищение лунного камня

Серия «Ларик, Вилька и Петич»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161285

Владимир Сотников «Похищение лунного камня», серия «Черный котенок»: Эксмо-Пресс; Москва; 2000
ISBN 5-04-005899-3

Аннотация

В последние дни школьных каникул Ларика, Вильку и Петича ожидает новое расследование. У рассеянного художника Ганнибала украден подаренный ему друзьями настоящий метеорит. Ребята уверены, что «лунный камень» обладает необыкновенными свойствами, которые ипривлекли к нему похитителей. Чтобы найти исчезнувшее сокровище, ребятам придется познакомиться с человеком-двойником, разгадать компьютерный шифр и даже побывать в загадочном месте под названием «Обезьянник»...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Глава I. Внезапное исчезновение грусти и печали	4
Глава II. На высоте птичьего полета	18
Глава III. Чудес не бывает	29
Глава IV. Три плюс два	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владимир Сотников

Похищение лунного камня

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I. Внезапное исчезновение грусти и печали

Был конец августа. А в это время все живые существа, даже самая что ни на есть шустрая девчонка Вилька, становятся грустными. Потому что жалко уже почти ушедшего лета, жалко минувших веселых денечков.

И ничего не хочется делать. А что сделаешь, что придумаешь, для того чтобы жизнь стала интересной и увлекательной, если этой жизни осталось совсем ничего? То есть, конечно, не всей жизни, а только самой лучшей ее части – каникул. Но это мало что меняет. Одним словом, последние дни лета навевали грусть и печаль.

Вот с такими невеселыми мыслями двигались Петич и Вилька в пространстве, почти не различая дороги. Немного-то они ее, конечно, различали. Потому что в этом месте, если не смотреть под ноги, сам черт ногу сломит.

– Интересно, – задумчиво пробормотал Петич, – почему так говорят?

– Ты это о чем? – спросила Вилька.

– Поговорка есть: «Черт ногу сломит». А кто его видел, черта? Может, у него лапы? Ты над этим не задумывалась?

– Больше мне нечего делать, – недовольно хмыкнула Вилька, опасливо озираясь по сторонам. – Смотри, накличешь беду. В таком неуютном месте этого ч... – тьфу, сама чуть не сказала! – поминаешь...

– Тьфу, тьфу, тьфу, – отчетливо сплюнул через левое плечо Петич. И все-таки не удержался: – Извини, чертик, за такое неласковое обращение. Всегда надо плюнуть в тебя три раза, а то надоел ты до чертиков. Ой!

Петич закрыл рот ладонью, как дети в передаче «Устами младенца», когда случайно проговариваются, произнося запретное слово.

Вилька смолчала. Лучше оставить эту тему! Как ни крути, как ни ругай черта, плюй ему в самые глаза или, наоборот, расхваливай его – результат может быть только один. Чертыхнешься в сердцах или, наоборот, скажешь: «Вот черт, как здорово!» – и этого уже достаточно для неприятностей. Так что лучше вообще не упоминать его. Этого самого – даже и молча назвать его не хочется.

– Долго еще идти-то? – недовольно пробурчал Петич и тяжело вздохнул.

Во вздохе этом чувствовалась обида. Это он-то может на-

кликать беду? Достаточно было Петичу услышать в свой адрес хоть самое легкое замечание, настроение у него сразу пропадало. А сейчас его и так не было, настроения.

– Странно, рядом с тобой ни капельки страха не чувствую! – бросив на Петича быстрый взгляд, сказала Вилька.

Петичевы настроения Вилька читала по его лицу как по открытой книге. Не зря мама говорила, что мужчину понять вообще-то нетрудно, если относиться к нему по-доброму. А уж тем более нетрудно Вильке понять Петича – своего самого хорошего, если считать вместе с Лариком, друга.

Петич отмахнулся:

– Да чего тут бояться? Хоть со мной, хоть без меня.

Они вошли под новый мост Московской кольцевой дороги, совсем недавно перекинутый над небольшой речкой Сходней. «Перекинутый» – слишком сильно сказано, потому что мост просто проглотил речку, вобрал ее в себя, как в тоннель. Два узеньких тротуарчика по сторонам, между ними – стремительная вода, а над головой – неостановимый грохот пронесшихся машин.

Петич остановился, повертел головой.

– Да здесь за пять минут с ума сойти можно от грохота! А за десять – точно память сотрется, как у компьютера во время проблемы-2000. Забудешь сразу имена все и клички. А как же ты ходишь к этому своему художнику?

– Я к нему езжу на автобусе. Вот как раз бы сейчас над твоей головой проезжала, память твою стирала.

– Ну и сегодня поехала бы, – пробурчал Петич. – Целый день почти из-за тебя потеряю.

– Можно подумать, ты занят чем-нибудь важным, – заметила Вилька. – Как и все мальчишки, только время тратишь впустую.

– Ну, это не твое дело, впустую или не впустую. Мое время! Как хочу, так и трачу.

Их голоса под мостом гудели, как в огромном кинотеатре. Казалось, здесь разыгрывается сцена спора, которая вот-вот перерастет в драку. Ну, может, и не в драку, а в легкое такое царапанье.

– Это я трачу? – не унимался Петич. – Я хоть не сижу часами, как истукан, перед каким-то там сумасшедшим художником! Почему свое позирование ты не называешь трапой времени?

– Это искусство, тебе не понять, – отрезала Вилька.

– Ну и ладно. Понимай сама свое искусство.

Петич повернулся и пошел обратно, к выходу из-под моста. Вилька опасливо огляделась. Так неуютно колыхались отсветы воды по сводам тоннеля, какое-то рычание доносилось сквозь гул машин... Может, это гудел далекий трактор, а может, и что другое... Посерьезнее. Конечно, Вилька была слишком гордой, чтобы броситься уговаривать Петича вернуться. Но ведь она пообещала художнику, что познакомит его со своим другом, самым надежным. И вот сейчас этот самый надежный друг бросает ее одну в таком неуютном, мяг-

ко говоря, месте!

И тут Вильку выручила природная хитрость.

– Конечно, о магических свойствах камня ты ничего не хочешь узнать? – спокойно и негромко произнесла она.

Петич остановился как вкопанный.

– Камня? Магических свойствах?

Вилька ждала. Дура она, что ли, не понимает, как себя надо вести в такие минуты? В такие минуты, когда мальчишка заглотнул наживку из какого-нибудь интересного сообщения, немножко подождать надо. Чтоб интерес разгорелся.

– Что молчишь, как русская Барби? – Петич нетерпеливо переступал ногами, как гончий пес, которому осталось только команду услышать. – Разве мы собирались сегодня этот камень увидеть? Чего ты такую таинственную рожицу корчишь?

– Меня всегда удивляет тон, который ты выбираешь в общении со мной, – сказала Вилька, как вполне взрослая дама.

Она огляделась вокруг и фыркнула со смеху. Обстановка, в которой были сказаны эти слова, подходила скорее для бандитских разборок или для встречи бродяг всякого сорта. Таких слов, наверное, еще никогда не слышали своды Сходненского моста!

Петич тоже не удержался от смеха.

– Ладно, пошли, – добродушно фыркнул он.

Напоминание о камне его задело. На безрыбье и рак рыба! Когда нечего делать, говоря человеческим языком, то и

любое развлечение сгодится.

У Вилькиного знакомого художника, если верить ее словам, хранился необыкновенный камень. И все, что Вилька рассказывала о свойствах этого камня, Петич хотел увидеть своими глазами. Убедиться на собственном опыте.

Ему как-то не верилось, что этот обычный на вид камень, чуть ли не вообще булыжник, действует на окружающих волшебным образом. Например, Вилька уверяла, что он делает людей добрее. Например, ссорились люди, спорили, а зашли в комнату, где находится камень, – и неожиданно начинают соглашаться друг с другом, даже извиняться за сказанные накануне несправедливые слова.

«Ерунда, – думал Петич. – Просто культурные люди ходят в гости к этому художнику. А культурные люди не могут долго ссориться. Наступает момент, когда они вдруг вспоминают о своем воспитании. И ведут себя соответственно. Никакого волшебства!»

Но Вилька рассказывала о камне и другие глупости. Например, кот хозяйский просто обожает его. Не хозяина, а камень. Ходит вокруг да около, мурлычет, и кажется, вот-вот заговорить должен, рассказать о том, как ему приятно. А коты, как известно, любят всякие хорошие места. На солнышке греться, на коленях у людей. А тут – камень. Может, и правда есть в нем какая-то необычная сила?

– А откуда он появился у твоего художника? – спросил Петич, когда они миновали наконец неуютный тоннель.

– Да он почему-то не хочет об этом говорить, – ответила Вилька. – Все отшучивается. То сказал, что с неба упал, а то вдруг задумался, потом поднял вверх палец и говорит так многозначительно: «А вот об этом память моя умалчивает...» Я и поняла, что нечего его мучить расспросами. Не хочет человек говорить, значит, нечего злить его лишний раз. Так ведь?

Петич полностью был с этим согласен. Из него самого ничего не выудишь, никакой информации, если она секретная. Мало ли что у художника связано с этим камнем. Так даже интересней – пусть будет секрет. С секретов начинаются все хорошие новости, так считал Петич. И он тоже ни за что не задаст художнику глупого вопроса.

«Что ж, проверим камешек сами», – думал он.

Дело в том, что Петич сегодня с самого утра был страшно зол на Ларика. Прошли все мыслимые сроки, а от него все не было письма. А ведь договаривались, что Ларик быстро пришлет письмо с кодом того шифра, который он оставил Петичу. Ну, прикалывались они так: Ларик написал какую-то абракадабру и предложил расшифровать. Мучился Петич и так, и сяк – не поддаются расшифровке дурацкие письма.

– Ну ладно, – сказал на прощание Ларик, – у тебя еще неделька. А потом, так и быть, компьютерная твоя душа, пришлю я тебе в письме разгадку.

И вот уже две недели прошло, а письма с дачи, на которую утащили Ларика родители, все нет. Петич, конечно, все это

время не сидел сложа руки. Все пытался разгадать, что же написал ему друг, какую загадку оставил? Хотелось доказать Ларику, что и он, Петич, не лыком шит. Но так и не получилось. Только вот почему Ларик обозвал его так странно – компьютерной душой? Что-то раньше не приходилось слышать от него такого ласкового обращения...

Вот Петич и злился. А раз Вилька уверяет, что рядом с камнем проходит у человека любая, даже мало-мальская, обида, – Петич и проверит это свойство камня. Если он перестанет злиться на Ларика, значит, камень и впрямь необычный. Петич для чистоты эксперимента даже специально сейчас злился на Ларика изо всех сил.

«Ах ты, – думал он, – умник какой нашелся! Думает, что у меня всего одна извилина в мозгу, да и та – вмятина от бейсболки! Друг называется – придумал глупость, а сам насмеяется сейчас, думает, что я перенапряг эту свою извилину в поисках разгадки! Раз пообещал, так присылай свое письмо, умник...»

С внешней стороны кольцевой дороги новый микрорайон продолжал застраиваться. Можно было даже назвать его строительной площадкой – так часто посреди уже готовых домов встречались наполовину построенные, с торчащими рядом кранами, с горами строительного мусора. И асфальт еще нигде не укладывали. Будущие тротуары и дороги были только обозначены и покрыты пока щебенкой. А зачем асфальт, если его в момент разобьют гигантские машины

и бульдозеры? Вон они как шастают взад-вперед, поднимая клубы пыли. Зрелище фантастическое. Напоминающее гигантский полигон для испытания тяжелой техники. Только вот непонятно, почему в построенные дома уже вселили людей, если рядом продолжается такая работа? Как можно жить в такой пыли и в таком шуме? Наверху, на последних этажах высоток, еще ничего: пыль туда не долетает. А окна на нижних этажах, наверное, новоселы даже и мыть не пытаются – вон, покрыты таким слоем пыли, что и не разобрать, живут там люди или нет. Живут, конечно. Даже ребятишки копошатся у подъездов. Нашли место для гулянья! Наверное, родители их рады, что переехали наконец в новые квартиры, и готовы считать груды мусора детскими площадками.

Сам-то Петич жил в коттеджном поселке, в котором зеленели деревья, росла мягкая зеленая травка и никакого строительного мусора не было и помину. Но все свободное время он проводил на улице Петушкова, где жили Ларик и Вилька. А что ему делать возле своего коттеджа, когда там тоска зеленая? Что он, корова, травку щипать?

Петич оглянулся назад. Они поднялись по тропинке в гору, и видно стало далеко вокруг. Кольцевая была как на ладони. На соседнем холме, через заросший овраг, по которому протекала речка Сходня, стояла маленькая белая церковь. Совсем как игрушечная. Отсюда, из этого царства пыли и шума, она казалась чистым пятнышком – будто белое облачко опустилось на землю.

– Вот, уже пришли, – сказала Вилька, указав на высокий, шоколадного цвета, двадцатиэтажный дом.

На высоте холма такой дом вообще казался небоскребом.

«Наверное, с верхних этажей всю Москву в бинокль можно рассмотреть», – подумал Петич.

Пустынно было между домами. Не то что на улице Петушкова – уже давно обжитых и уютных Петушках! На всякий случай Вилька поискала на доме табличку, чтобы быть уверенной в правильности адреса. Хотя адрес в такой обстановке – это звучит странно. Тут надо просто так все запоминать. До аккуратной таблички с названием улицы еще далеко. Малыря прямо на стене намалевали номер жирной краской.

Пока Вилька разглядывала стену, из-за угла дома вышел и направился куда-то сквозь пыль священник. Петич удивился, увидев его в таком неподходящем месте. А впрочем, почему неподходящем? Может, он здесь живет, а на работу ходит в церковь на холме.

Священник был одет в черную рясу до пят, на голове – такая же черная шапочка-колпак. Ничего удивительного. Видел Петич таких священников и на Петушках. Потому что в их районе расположены сразу несколько церквей. Старинных, не то что эти дома-новостройки. Наверное, когда-то красиво здесь было – зеленые холмы, а по ним разбросаны белые пятнышки церквей с золотыми куполами.

Священник уже отошел довольно далеко от дома, когда Петич заметил что-то подозрительное в группе мелких дети-

шек, которые ковырялись в песке у подъезда. Слишком уж внимательно они изучали что-то на земле. Да еще чиркали спичками – неумело, как это всегда делают дети. На стройке можно найти всякую гадость, это Петич знал по собственному опыту, поэтому присмотрелся к мелким повнимательнее. И тут же понял, что пацанята окружили довольно высокую горку каких-то непонятных предметов.

– Вот тут надо поджечь, видишь, фитилек! – услышал он. «Петарды!» – вспыхнула в мозгу у Петича догадка.

И совсем не в одной извилине она вспыхнула, а во всех вместе взятых. Потому что количество петард и их размеры кого угодно могли привести в ужас. Даже одним таким огромным цилиндром можно разнести в щепки большую бутылку из-под пепси. А тут их целая куча! Петич подбежал поближе и еще больше ужаснулся. Жгутики всех петард были скручены в один фитиль. Его-то и пытались поджечь пацаны. А это означало, что петарды станут рваться все вместе, почти одновременно. Но ведь это будет такая канонада, от которой даже взрослые не успели бы разбежаться! Не раздумывая, Петич бросился вперед.

– Куда ты? – только и успела крикнуть Вилька.

Но Петич не обратил на нее внимания. Тем более что он ясно увидел, как вспыхнул огонек и стремительно побежал по жгутику!

Петич оттолкнул крайнего малыша, рванул вверх связку петард – увесистой оказалась связка! – и замахал ею над го-

ловой.

«Сейчас рванет», – мелькнуло у него в голове.

Но куда же отшвырнуть? Да еще подальше? Раздумывать было некогда. Поднапрягшись, Петич метнул страшный груз, как ковбой свое лассо, подальше от пацанят. И от Вильки тоже.

Петарды рванули еще в воздухе. К счастью, успев отлететь на приличное, уже безопасное, расстояние. Первый взрыв разорвал связку, и, разлетевшись, петарды стали рваться оглушительной очередью – каждая по отдельности. Будто с вертолета кто-то стрелял по земле из пулемета, вздымая в песке бурунчики взрывов.

Ошеломленные малыши даже не присели – они попадали в песок. Приземлились своими мягкими местами, по которым их, конечно же, надо было как следует отлупить. Но не Петичу же этим заниматься! Он только заорал, делая страшные глаза:

– Вы что, мелочь пузатая, совсем оборзели? Глаза бы вам сейчас повышибало!

Малыши моргали уцелевшими глазами, перепуганные и скоростью всего произошедшего, и громом петард, и криком Петича. Правда, у одного из них – у того, что был постарше и чиркал спичками, – лицо все-таки сияло от счастья. Наверное, он был счастлив оттого, что добился своей цели. Петич вырвал из его рук коробок и яростно растоптал спички в песке.

– А ну, по домам! – рявкнул он.

Уговаривать малышей не пришлось. Они улепетывали от опасного места со всех ног. Тем временем в доме захлопали открывающиеся окна, послышались женские вскрики. Петич огляделся и заметил, что и священник остановился, постоял в раздумье – наверное, хотел вернуться, – а потом быстро зашагал дальше. И скрылся за углом дома.

Петич с Вилькой оглядывали окна – но что они могли объяснить испуганным мамашам?

– Да ну их! – сердито махнул рукой Петич. – Не смотрят за детьми, а еще орут! Пошли.

И он дернул Вильку за рукав.

Лифт в подъезде художника, конечно же, не работал.

– И какой этаж? – поинтересовался Петич.

– Четырнадцатый! – весело ответила Вилька, как будто радуясь этому.

Где-то этажа с десятого ребятам стало казаться, что к их свистящему дыханию прибавляется еще какой-то странный звук. Прислушавшись, они поняли, что это жалобное мяуканье, иногда срывающееся на шепот. Так может звать на помощь только маленький котенок, который толком-то и не умеет орать. Или просто надорвал голос.

Сообразив все это, Петич метнулся вверх, как ракета! На площадке тринадцатого этажа, рядом с лифтами, была до отказа откинута вниз фрамуга узкого окна, которое располагалось на высоте человеческого роста. А на ней... На ней были

видны вцепившиеся до посинения кисти человеческих рук!
У Петича отвисла челюсть. Он сам не понимал, что в голове
его вертится самая глупая, наверное, за всю его жизнь мысль:
«Кто это их сюда прицепил?...»

Глава II. На высоте птичьего полета

Значит, человек висел снаружи дома. И это на высоте тринадцатого этажа! На высоте птичьего полета... У Петича похолодело все внутри.

Сзади на него с разбегу налетела Вилька.

– А где котенок? – воскликнула она.

Петич только и смог, что кивнуть на высокий подоконник, за которым действительно раздавалось мяуканье. Но не человек же издавал такие жалобные звуки? И тут Петич наконец пришел в себя. Ведь он знал, по собственному опыту знал, как недолго может человек провисеть на руках! Потому что однажды поспорил с пацанами, что сможет висеть на турнике сколько угодно. И что же? Не прошло и минуты, как пальцы сами стали разжиматься... А сколько времени этот человек держится сейчас за подоконник, было неизвестно. Может, силы его уже на исходе!

– Быстрее звони в квартиры! – крикнул Петич Вильке. – Может, кто-нибудь откроет! И принеси что-нибудь вроде стула, стола – короче, что-нибудь повыше! Видишь, так я не достану!

Сам он торопливо обводил взглядом все закутки на лестничной площадке. Глаза Петича при этом вращались, как у терминатора. Он одновременно и видел руки на подоконнике, и оглядывал все вокруг в поисках хоть чего-нибудь под-

ходящего.

«Подходящее» нашлось за мусоропроводом – длинный кусок перепачканной краской веревки. Видно, кто-то поленился выбросить его в мусорку и просто швырнул за толстую трубу. Пока Петич разматывал веревку, что заняло считанные секунды, сзади в спину его толкнула Вилька. Она еле тащила какую-то огромную раздвижную треногу.

– Это мольберт! – крикнула она. – Слышишь, Петич, у него квартира открыта, а его нет! Я схватила первое, что под руки попало. А ведь это он, я узнала его руки! Быстрее, быстрее, Петечка!

Но Петича и не надо было подгонять. Он подставил треногу под стену, ловко вспрыгнул на нее, скомандовав Вильке поддерживать, чтобы ножки мольберта не заскользили по кафельному полу. Потом несколькими рывками обвязал руки висевшего веревкой. Внизу раздались какие-то звуки – наверное, этот человек пытался что-то сказать, но Петич ничего не расслышал. Спрыгнув на пол, другой конец веревки он туго замотал за горловину мусоропровода.

– Теперь не сорвется, – задыхаясь, сказал он. – Главное сделано. А вот сейчас, сейчас надо постараться...

И Петич опять вскочил на мольберт. Одной рукой он изо всех сил уперся в подоконник, а второй схватил человека за запястье.

– Постарайтесь, – крикнул он, – постарайтесь хоть немного подтянуться! Царапайте ногами по стене, ползите вверх!

Я буду тяну-уть!

И с этим длинным звуком «у-у» он потянул. Казалось, глаза у него от напряжения сейчас вылезут из орбит. Но Петич не жалел ни глаз, ни своих рук, ни всего тела, которое натянулось как струна. Он представлял высоту... Страшную высоту! И сил у него от этого стало больше.

«А он не очень тяжелый, – успел подумать Петич. – Со всем как подросток. Вот если бы оказался толстяк, тогда...»

Что было бы тогда, он не успел подумать. Потому что висевший человек, как вдруг показалось, стал еще легче. Он подтянулся немного, перехватился удобнее за подоконник – и уже вылезал из окна, помогая себе локтями.

– А откуда вы... взялись? – бормотал он при этом.

– Молчите! Молчите, не тратьте силы! – крикнул Петич. – Еще не все. Еще не конец!

Рядом повизгивала от страха и нетерпения Вилька.

– Ганнибал Абрамыч! – воскликнула она. – Вы живой?

Художник – конечно, это был он! – через силу улыбнулся, выдавливая из себя по одному слову:

– Как. В анекдоте. Все цело. Но. Еще лечу.

– Да молчите вы! – заорал что есть мочи Петич.

Его сразу же послушались. В тишине, кряхтя от натуги, художник медленно переполз через подоконник и кулем свалился на пол. Через несколько секунд он уже стоял рядом с ребятами, смущенно улыбаясь, потирая руки и развязывая веревку.

– Фу ты! – отдышался художник. – Как в фильме о службе спасения!

– Вы что, самоубийца? – не удержался Петич от сердитой реплики.

– Почему? Просто неудачник. Ну просто во всем не везет! – стал оправдываться спасенный. – Понадеялся на свои сильные руки. Я ведь еще и скульптор. А у скульпторов руки железные. И вот не сумел дотянуться... Хорошо, что там оказался какой-то выступ. Стоять, конечно, на нем нельзя, но все-таки я упирался в него ногой. Столько времени на руках не провисел бы. Думал, сейчас передохну, накоплю силы, да и подтянусь... О бог ты мой! Мы же забыли о бедном котенке!

Петич уже в третий раз запрыгнул на треногу и выглянул наружу. На отвесной стене, на кончике бетонной плиты висела сетка. А в сетке, взъерошенный и перепуганный насмерть, уже не мяукал, а беззвучно открывал ротик с маленьким алым язычком черный котенок!

И все стало ясно. Художник, наверное, из своей квартиры увидел котенка. Какая-то злая рука устроила такую страшную казнь... Ведь в любую минуту сетка могла сорваться вниз! Художник, видно, долго не раздумывал. Не стал искать ни длинного шеста с крюком, ни простой палки – не попадают они в нужный момент под руку! Решил дотянуться до котенка, повиснув на подоконнике. Повиснуть повиснул, а дотянуться не смог. А обратно, наверное, сил не хватило

самому выбраться. У Петича даже похолодело все внутри от мысли, чем бы все это могло кончиться. Он оглянулся. Художника рядом с Вилькой не было.

– Он в свою квартиру побежал, – объяснила она.

– С испугу, что ли? – недовольно буркнул Петич.

Но оказался не прав. Через минуту художник появился с какой-то причудливо изогнутой проволокой в руках.

– Вот, арматура для скульптуры. Прямо рифма! Как я сразу не догадался ее прихватить? – воскликнул он. – Ну, молодой человек, подстрахуйте меня еще одно мгновение...

Он высунулся наружу по пояс – так, что Петичу, стоящему на тесной треноге, приходилось держать его сзади, упираясь головой в верхнюю часть узкого окна.

– Есть! – закричал художник и стал потихоньку перебирать руками, втаскивая обратно металлический прут, на изогнутом конце которого покачивалась сетка с перепуганным котенком.

Все трое – уже, правда, четверо, считая с котенком, – стояли у лифта и переглядывались. И вдруг на них напал приступ хохота! Они хохотали как безумные, глядя на смешную мордочку котенка, на перепачканных мелом Ганнибала Абрамыча и Петича. Котенок дернулся и попытался вырваться из сетки.

– А вот и нет! – прижал его к себе художник. – После таких испытаний ты должен пойти ко мне в гости. Вместе с этими милыми ребятами, нашими спасителями. И если не против,

останешься у меня жить. Будет у меня полтора кота. Я думаю, Филя согласится. А вдруг повторится, не дай бог, твое приключение? Ведь кто-то так страшно с тобой обошелся, да? Есть же на свете такие мерзавцы...

Ребята полностью разделяли негодование художника. «В какой извилине, и какого человеческого мозга, – думал Петич, – могла родиться такая чудовищная мысль! Кто додумался так поступить с котенком?» У Вильки даже катились по щекам слезы, и она ничуть не стеснялась их.

Они не спеша поднялись друг за другом на один этаж. Дверь квартиры художника была распахнута.

– Вот, выбежал, спешил – думал, на минутку... – объяснял он. – Хорошо, что ключи прихватил. Хотя, если бы я свалился, негодились бы моей душе никакие ключи. Там ключи ей ни к чему...

«Ничего себе! – подумал Петич. – Еще шутит! Хоть и мрачноватый несколько юмор...»

– А ты, моя добрая Вилька, еще и волшебница. Прямо фея! – продолжал художник. – Для доброй феи это самое главное: оказаться вовремя в нужном месте. Говорил же я всегда, что ты у меня желанный гость в любую минуту. Знакомь, знакомь меня со своим другом! Достойный, надо сказать, человек. Рыцарь Львиное Сердце! И видно, умелец на все руки. Могу бесконечно источать слова благодарности и восхищения вашим поступком, молодой человек.

Петич присмотрелся к художнику. Что и говорить,

необычный человек. И по манере говорить, и по поведению. Это ж надо – безо всяких раздумий бросился на выручку котенку! Не каждому это дано. Хотя, конечно, в таких случаях надо хоть на секунду успеть и подумать... И внешний вид художника был необычным. На маленьком седобородом человеке – какой же художник без бороды? – красовалась пестрая одежда самых разных цветов и оттенков. Как только вошли в квартиру, он сразу же напялил на себя еще и огромный круглый берет. Петич отметил про себя: обычно люди одеваются, выходя из дома, а этот – наоборот. Что у него, потолки протекают, что ли? Зачем носить в квартире этот берет аэродромных размеров, из-за которого художник сразу стал похож на гриб? Гриб на пестрой тоненькой ножке. Потому что одет художник был, как игрушка – в какого-то сиреневого цвета штаны, зеленую рубашку и желтую жилетку...

«Конечно, – подумал Петич, – на такого все обращают внимание. Но, наверное, настоящие художники вполне имеют право так выглядеть?»

Петич где-то слышал фразу, что настоящий художник – от бога. А если так, то и должен же как-то бог различать таких людей в толпе?...

– Его Петичем зовут, – вставила Вилька. – Это мой лучший друг. И еще один есть, Ларик. Но его здесь нет.

Петич хмыкнул:

– Вообще-то в этом нетрудно убедиться.

– О, хорошие имена! – радостно воскликнул художник. –

Вполне в моем духе. Петич, Ларик... Вилька! Красиво звучат. Необычно! Значит, мне повезло – я попал в свою компанию. Ведь согласитесь, имя Ганнибал тоже не так часто встречается, да? Поэтому, кстати, никто никогда меня не сокращал – даже в детстве ни у кого язык не поворачивался назвать меня каким-нибудь Ганей. Ганнибал – это звучит... гордо! Шучу, шучу. Простите за нескромность. Ну что ж, давайте угощаться!

И художник радушным жестом пригласил их на кухню.

– Простите, – нерешительно спросил Петич, – но раз вы сами заговорили на эту тему... А это ваше настоящее имя или этот, как его...

– Псевдоним? Или, как сейчас говорят, сценическое имя? – улыбнулся Ганнибал. – Настоящее, самое настоящее. Дело в том, что мой отец большим оригиналом был...

«Так вот вы в кого», – подумал Петич.

– ...Пушкина любил. А так как сам был назван в честь предка великого поэта Абрамом – помните, прадеда Пушкина, эфиопа, звали Абрам Ганнибал? – то мой папаша решил переплюнуть своего. В деле почитания Пушкина. Так прямо и ляпнул при моем рождении: быть ему Абрамом Ганнибалом. Правда, наоборот, Ганнибалом Абрамовичем, но это его несколько не смутило. Ему было достаточно, что эти два имени стоят рядом. Вот такая история, молодые люди. Честно говоря, она мне нравится. В жизни так много всякой ссоры, что отдельные необычности, по крайней мере, улуч-

шают настроение.

– А что, имя мне нравится, – похвалил Петич, хотя это звучало несколько странно: подросток одобряет пожилого человека...

– Благодарю покорно! – в шутливом поклоне изогнулся художник.

– Он в том смысле, – поспешила объяснить Петичеву похвалу Вилька, – что действительно улучшается настроение. Представьте себе, я скажу кому-нибудь, что у меня знакомого зовут Ганнибалом Абрамовичем. И человек, которого вы совсем не знаете, ни разу в жизни не видели, почувствует хоть на секундочку необычность жизни. Понимаете? Это вы на него повлияете. Одним только именем вы уже делаете доброе дело!

– Очень даже понимаю, добрая моя Вилька, – улыбнулся художник. – Кстати, друзья, если вам тяжело выговаривать мое полное имя, можно ограничиться просто Ганнибалом. И будем с вами на равных правах, без всяких отчеств. Идет?

Петич охотно закивал. Конечно, чем короче, тем лучше. А то, например, повиснет где-нибудь опять этот художник, спасая котенка, – пока обратишься к нему по имени-отчеству, важное время упустишь. А так – рявкнешь в одно мгновение: «Ганнибал, держись!» – и все, держится Ганнибал как приклеенный...

Петич даже улыбнулся своим мыслям. И вдруг его прон-

зило удивление. Это почему же ему так хорошо, а? Как только вошел в эту квартиру, так сразу забыл и про злость на Ларика, и про свое плохое настроение. Петич прямо чувствовал, что еще никогда в жизни не был таким счастливым. На душе было так хорошо, так уютно, что даже сравнить это состояние Петич ну ни с чем не мог! Немного, правда, похоже на то, будто тебе покупают, скажем, маленький мокик, о котором ты мечтал тыщу лет. Но, во-первых, этот мокик Петич разбил еще три года назад и почти совсем забыл ту радость, которую ощутил при виде маленького двухколесенького чуда. А во-вторых, он уже давно понял, что никакие игрушки, никакие вещи не могут обрадовать человека так, как... Петич даже не мог подыскать слова для этого. Ну вот, например, дружит он с Вилькой. Что, разве можно заменить их дружбу какими-нибудь радостями, связанными с вещами? Нет, никогда.

Правда, словами Петич не смог бы объяснить то, что чувствовал.

«Как собака, – подумал он. – Все понимаю, а сказать не могу».

Он вышел в ванную, чтобы помыть руки. И увидел в зеркале такую счастливую мордашу, что сразу же показал ей длинный язык.

«Что же это происходит со мной? – подумал удивленный Петич. – Как в сказку попал!»

И тут он вспомнил о камне. Вспомнил, зачем, собственно,

они с Вилькой и пришли сюда. Камень! Вот что таким волшебным образом действует на Петича! Вот это чудо... Вот это камушек...

Глава III. Чудес не бывает

Конечно, после всех переживаний и потрясений для Вильки не было лучшего успокоительного, чем парочка шоколадных батончиков. А если у кого шоколад вызывает аллергию, то Вилька просто советует переключиться на мороженое!

Когда она с мамой в первый раз пришла в гости к Ганнибалу, тот побежал за угощением.

«Ну, – подумала Вилька, – притащит какой-нибудь тортик и пепси».

Они переглянулись с мамой и улыбнулись.

– А я знаю, о чем ты думаешь, – сказала мама.

– И я знаю, о чем ты думаешь, – ответила Вилька.

– Ой ли? – сказала мама.

– Птичье молоко, – ответила Вилька.

Мама охнула. А что тут было охать, если Вилька знала, что мамин любимый торт – «Птичье молоко»? И если Ганнибал хочет угостить маму, то, конечно, ищет именно его. Ведь мама как-то рассказывала Вильке, что они еще в школе любили праздновать дни рождения целым классом. А художник был в то время учителем рисования и ее классным руководителем.

– Ты Шерлок Холмс, – сказала мама. – Читаешь чужие мысли.

– Да ладно! – отмахнулась Вилька. – Просто память хоро-

шая. Помню все, что ты мне о себе рассказывала. А хорошая память – лучшее подспорье для метода дедукции. Слышала о таком? Все детективы им пользуются.

– По-моему, – улыbnулась мама, – метод дедукции здесь ни при чем. Достаточно и хорошей памяти.

– Умница! – закричала Вилька, и Ганнибал, вернувшись, сразу спросил:

– И кто же из вас умница?

Они с мамой одновременно показали друг на друга.

В тот же день Вилька и сказала Ганнибалу, что больше всего любит одинаковые батончики и мороженое – «Сникерс», «Баунти» и тому подобные.

– Мой холодильник отныне будет знать, чем заполнять свое сердце. В смысле – морозилку, – задумчиво сказал Ганнибал, будто записывал в памяти новые сведения.

И Вилька сразу поняла, какой это странный и интересный человек.

И вот теперь, поглощая мороженое, ребята поглядывали на спасенного котенка, который смело подошел к хозяину квартиры – не к Ганнибалу, а к пушистому ленивому персу Филе.

– Сейчас драться будут, – сказал Петич. – Это же территория Филиппа. Киркорова, – хихикнул он, потому что кот действительно напоминал известного певца.

– Ну что ты! – засмеялась Вилька. – Это кошки дерутся. А коты, да такие разные, никогда не будут выяснять отноше-

ния. Тем более, посмотри – Филя, наверное, не то что драться, он и есть ленится.

Филипп, похоже, ленился во всем. Он был настоящим ленивым котом, и это качество было у него не просто главным, а единственным. Он взглянул на котенка, вздохнул и улегся в солнечное пятно на коврик.

Оставив Ганнибала Абрамыча на кухне, ребята вошли в большую комнату. И сразу же остановились на пороге. Петич – потому что впервые увидел большую картину, стоящую на мольберте. А Вилька – потому что наслаждалась произведенным эффектом.

Еще бы! Ведь с картины смотрела она сама, и это сразу было понятно. У изображенной на холсте девчонки были светлые растрепанные волосы, любопытные веселые глаза, и рот у нее был немного великоват, точно как у Вильки – казалось, будто она все время улыбается. И все-таки Вилька не могла не видеть: на картине она не совсем такая, как в жизни. Прямо светится вся, как будто у нее внутри фонарик. А ведь так на самом деле не бывает... Но, с другой стороны, если на портрете человек выглядит точно так же, как на самом деле, то зачем тогда писать портрет? Можно просто сфотографироваться.

Впрочем, Петичу не показалось, что нарисованная Вилька чем-то отличается от настоящей.

– Ого! – хмыкнул он, уставившись на портрет. – Похожа! Смотри, и щека расцарапана.

Вилька немного обиделась на такую Петичеву реакцию. Можно подумать, в ее внешности нет ничего более интересного и заметного, чем расцарапанная щека!

Но даже картина не отвлекла Петича от главной мысли. Он думал о камне, поэтому сразу спросил Вильку:

– Ну, а где эта реликвия?

Та молча показала глазами на застекленный шкаф. На полках перед книгами все свободное пространство было уставлено всякими странными вещицами. Статуэтки, африканские маски, песочные часы – среди многочисленных предметов Петич никак не мог разглядеть камень. Тем более что он, конечно же, невольно представлял его совершенно необычным. Может, даже сверкающим.

– Наверное, спрятал, – предположил Петич. – Не будет же он такую ценность держать на виду.

– Да какую ценность! – махнула Вилька рукой. – Ганнибал ко всему на свете относится совершенно одинаково. То есть с одинаковым уважением. Поэтому никогда ничего не выделяет, не прячет, не запирает. Вот – все у него на виду. Беспорядок, правда...

Она обвела рукой комнату, превращенную в мастерскую. Что и говорить, о порядке здесь и речи быть не могло. По всей комнате были расставлены разноцветные картины, странные скульптуры из гипса и глины. Между ними валялись тряпки, инструменты, кисти, стояли флакончики, коробочки и еще какие-то предметы непонятного назначения.

– А что, мне нравится, – сказал Петич. – Сразу видно, что здесь художник живет.

– А вот это несколько меня не оправдывает, – услышали они за спиной. – Это глубочайшее заблуждение, что художники должны быть неряшливыми. Просто у меня нет отдельной мастерской, а когда работаешь дома, увы, приходится наблюдать изо дня в день такую картинку. Вы уж поаккуратней, а то еще в какую-нибудь краску вляпаетесь. Смотрите, конечно, любопытствуйте, но лучше пойдете-ка на кухню.

– Ганнибал Абрамыч, – сказала Вилька. Ну никак не могла она обращаться к художнику без отчества! – Вы меня простите, но ведь я Петичу выдала вашу тайну...

– Тайну? – Старик погладил котенка. – Сроду у меня не было тайн. И какую же тайну ты мне придумала?

– А камень? Вы же называли его таинственным.

Художник рассмеялся:

– Ах, камень! Действительно, занятный камушек. И знаете, с тех пор как он у меня появился, я начал ощущать себя обладателем необычного талисмана, что ли. Посмотришь на него, и сразу на душе становится легче.

«Вот, – подумал Петич, – и я это сразу почувствовал! Хоть и не видел еще этот талисман».

– А как он к вам попал? – не удержался он от вопроса.

– Мои друзья уверяют, что это метеорит. Но я, знаете ли, сторонник более земного происхождения камня. Хотя дела это не меняет. Так вот, как-то мы прогуливались с друзья-

ми жарким летним днем – я вышел их проводить. И вдруг шорох пронесся позади нас, и не успели мы оглянуться, как услышали звук удара...

– О землю? – нетерпеливо перебил Петич. – Что-то упало?

– Да, именно что-то. Но мы-то ничего не видели. Ведь днем не видно ни звезд на небе, ни падающих метеоритов. А представляете, какое зрелище было бы вечером?

Ни Петич, ни Вилька, конечно, этого зрелища представить себе не могли.

– А что, должен быть взрыв? – спросила Вилька. – Я где-то читала, что в Сибири огромный метеорит повалил все деревья. И взрыв был слышен даже в Москве.

– Ты что? – Петич быстренько крутанул возле виска пальцем. Это ж надо, так позорится девчонка перед художником! Демонстрирует свою эрудицию, как тупые тетеньки в передаче «О, счастливичик!». – Ты про Тунгусский метеорит читала. Это давно было. И не метеорит это был, а целый метеоритище! И взрыв, как ядерный. Про такие мы и не говорим.

– Да все метеориты одинаковые! – горячо заспорила Вилька. – Ну, конечно, один побольше, другой поменьше. Но все взрываются. Да, Ганнибал Абрамович?

– Я, видите ли, не специалист в этой области... Но вот один из моих друзей сразу стал нам объяснять, какими разными бывают метеориты. Оказывается, не всякое падение должно сопровождаться обязательным взрывом и даже сильным шумом – это зависит от различных факторов. От разме-

ров камня, от состава... От скорости, в конце концов – ведь метеориты врезаются в земную атмосферу совершенно под разными углами. Одни могут прямо нестись к земле, а другие могут и приближаться, как самолет перед посадкой. В этом-то случае они и не сгорают полностью, потому что скорость гасится медленнее. По правде сказать, я не очень запомнил ту взволнованную лекцию, которую так стремительно прочел нам наш ученый друг. Я его называю ученым, потому что он работает как раз в институте каких-то космических проблем.

– Каких-то? – удивилась Вилька. – Ну и название у этого института!

– Да нет, это я так сказал, – засмеялся художник. – Название я запомнить не в состоянии, вот и заменил его словом «каких-то». Странные, странные вы молодые люди! Любите точность в словах!

«Полюбишь тут, – подумала Вилька. – Провести столько исследований, так станешь любой ошибки бояться как огня!»

Вилька вспомнила, как они с Лариком увидели напечатанную в газете карту расположения кимберлитовых трубок и тут же решили, что в овраге, прямо возле Ларикова дома, добывают алмазы. Или как Петич бегал по всему Братцевскому парку за коварным кинопродюсером Колобком, а потом оказалось, что тот и сам не знает, где спрятаны сокровища старинной усадьбы. Много времени у них тогда отняли

неправильно понятые слова!

– И что же, вы просто слушали и не искали ничего? – продолжал спрашивать Петич. – Да я бы там вокруг все исползал, обнюхал каждую травинку!

– Вот, ты совсем как наш ученый, – улыбнулся художник. – Да конечно же, он потащил нас по этим холмам как собак-ищеек, и сам все носом вертел, принюхивался, говорил, что запах гари обязательно должен быть.

– Так если камень у вас, значит... – догадался Петич.

– Правильно, – кивнул Ганнибал. – А к чему же я рассказываю всю эту историю? Да, ученый наш даже подпрыгнул, когда увидел, что я нашел на склоне холма дымящуюся вмятину в земле, и палкой, как картофелину, выкатил из нее какой-то булыжничек. Он и обнюхивал его, и трогал остороженько пальцами, как бесценное сокровище. Вот если б меня, скажем, допустили к старинной картине, я точно так изучал бы ее, пылинки сдувая.

– К «Джоконде»? – спросила Вилька. – Помните, вы мне рассказывали, что это самый знаменитый и таинственный портрет, написанный за всю историю живописи.

Художник улыбнулся:

– Не отказался бы рассмотреть эту картину великого Леонардо вблизи, не отказался...

– А камень горячий был? – спросил Петич.

Он не хотел и слушать болтовню про картины!

– Понимаю ваш вопрос. Вы хотите, чтобы камень был рас-

каленным, и было бы абсолютно ясно, что он только что свалился с небес. Ну конечно! Не раскаленным, но очень даже тепленьким камень был. Из ямы то ли пар, то ли дым валил. Я еще подумал, что вот, наверное, здесь мальчишки костер жгли и не погасили. В такую-то жару...

Художник простодушно улыбался. А Петич не мог понять его спокойствия. Кажется, этот чудак специально не хочет поверить в то, что у него хранится самый настоящий метеорит. Если бы такое счастье привалило Петичу, то как бы он гордился! Еще бы! Настоящий метеорит... Какие-нибудь первобытные люди вообще, наверное, на него молились. А что им оставалось делать? Прямо с неба – здрасьте вам! – падает божественный камень. Тут или умирай со страху, или молись как миленький...

Вилька как девчонка, конечно, первой не выдержала. И не то чтобы не выдержала, а просто решила: сколько же можно болтать про этот камень, не видя его? Как будто он невидимый или его нет вовсе!

– А где он?

Она протянула руки ладошками вверх, будто готовилась принять на них эту небесную ценность.

Несколько следующих движений художника были обычными. Три шага к шкафу, рука дернула дверцу, протянулась внутрь...

И застыла. Застыла не только рука. Казалось, художника пронзила насквозь, сверху вниз, невидимая молния и пре-

вратила его в соляной столб. Стало тихо-тихо. И вдруг ребята услышали, как что-то мягкое упруго шлепнулось на пол. Это художник уронил котенка. Лежащий на коврике Филя только приоткрыл немного один глаз. Наверное, подумал: «Суета все это...»

«Значит, произошло что-то страшное! – поняла Вилька. – Если Ганнибал смог уронить котенка и не заметить этого, то...»

А Петич сразу сообразил: «Пусто! В шкафу пусто! Значит, кто-то украл?...»

– Сейчас-сейчас, – поспешно зашептал художник, потирая виски пальцами. – Столько всего приключилось в последние минуты, что память может и подвести... Да нет, вроде точно помню – вот сюда я его и положил.

Он поспешно начал открывать подряд все стеклянные дверцы. Так быстро, будто надеялся застать камень врасплох, пока тот не исчезнет под его взглядом. Звякали стекла, сыпались с полок какие-то вещички, но Ганнибал не обращал на них внимания. Он просто шарил глазами перед собой в поисках одного-единственного предмета. Петич даже забеспокоился за Ганнибала – а вдруг действительно у того что-то стало с головой? Повисишь над землей на уровне тринадцатого этажа, и не то может случиться.

Он осторожно предложил:

– Вы не торопитесь, не волнуйтесь... Найдется.

– Найдется? – сверкнул глазами художник, обернув-

шись. – А вы знаете, молодой человек, что такого у меня за всю жизнь не было? В этом беспорядке, – обвел он рукой большую комнату, – есть своя система, порядок даже, если хотите. И ничего, ничего никогда не исчезало! – Ганнибал бессильно опустил руки: – Все. Мне абсолютно ясно, что камень исчез. Абсолютно.

– Вы уверены? – спросила Вилька.

Художник посмотрел на нее, не отвечая. Даже не кивая утвердительно головой. И ребята поняли, что он прав.

– Тогда что же мы бездействуем?! – чуть не подпрыгнул Петич.

– А что вы предлагаете? – спросил Ганнибал, опустившись в кресло.

Прямо на какие-то листы бумаги, старые кисточки. Казалось, силы покинули его.

– Пропала вещь. И непростая. – Петич говорил и словно при этом загибал пальцы. – Камень, обладающий необычными свойствами. Метеорит. Скорее всего метеорит, – поправился он, потому что при этих словах старик махнул рукой. – Надо начинать расследование.

– Посмотрите, пожалуйста, – попросила Вилька, беря на руки котенка, – а не пропало ли еще что-нибудь?

Художник, даже не вставая, обвел взглядом комнату. Конечно же, он смотрел на свои картины.

– Нет, все на месте. Даже ничего не потревожено, – сказал он.

– А деньги, ценности?

В очередной раз старик махнул рукой. Красноречивый жест! Видно, никаких особенных ценностей и денег у него просто не было.

– Вы говорите, как в фильме про милицию, – устало про-
бормотал он.

– А как же еще говорить? – встрепелась Вилька. – Кста-
ти, мы можем позвонить нашему знакомому, как раз мили-
ционеру. Он раньше работал в экологической милиции, а
сейчас закончил свою милицейскую школу и стал участко-
вым. Знаете, какая у него фамилия? Тихоня! Но он очень
даже сообразительный.

– Еще одно интересное имя, – через силу улыбнулся ху-
дожник.

– Подожди ты с Тихоней, – вмешался Петич. – Успеем по-
звонить. Надо убедиться окончательно, что камень пропал.

Странно, но Ганнибал его послушался. Он поднялся и
вновь стал осматривать шкаф, заглядывать под столы, сту-
лья. Короче, вел более тщательный осмотр места происше-
ствия, говоря милицейским языком. Ребята не решались ему
помогать. Наконец художник повторил привычный жест ру-
кой и уселся обратно.

– Убедился. Окончательно, – тихо произнес он.

– Послушайте, – вдруг вскричал Петич, – ведь дверь-то у
вас была открыта! Вилька же мне принесла эту треногу, пока
вы там висели! Она вошла в открытую квартиру!

– Первая версия, – спокойно произнесла Вилька. – Вор проник сюда перед нашим приходом. Версия простая и не очень убедительная. Потому что, как я знаю, к Ганнибалу Абрамовичу многие заходят запросто. Поэтому необязательно для преступных целей проникать в его квартиру тайком. А вы давно видели камень на своем месте? – обратилась она к художнику.

– Давно? Да, пожалуй. Я не очень-то обращал на него внимание. Так, иногда показывал его тем, кто спрашивал, что это такое.

Петич даже вздрогнул. Показывал иногда! Тем, кто спрашивал! А теперь еще не понимает, куда мог подеваться камень! Вот дает художник...

– Попробуйте вспомнить, – как можно спокойнее попросил он, – кто бывал у вас в последнее время?

Художник задумался.

– Понимаете, – медленно говорил он, – меня беспокоит даже не пропажа камня. Бог с ним... Я изумлен самим фактом, этой неожиданной переменой в моей жизни. Кто мог меня ограбить? Ведь я бы мог в конце концов и подарить этот камень, если бы понял, что он так необходим человеку. Но выкрасть его тайком? Не понимаю... С какой целью? Для чего?

«Вот заладил, – раздраженно подумал Петич. – Его спрашивают, кто приходил сюда, а он возмущается, не понимает. Да все, у кого что-нибудь украли, не понимают и возмуща-

ются. Тут думать надо!»

Будто в ответ на мысли Петича художник пробормотал:

– Я сейчас позвоню отцу Николаю, попрошу помочь. Три головы хорошо, а четыре лучше... Даже пять – я и еще одного своего друга позову, того самого ученого. Посообразаем...

– Да хоть десять голов, – не выдержал Петич. – О том и речь – всех надо вспомнить!

– Да не так и много тех, кого надо вспоминать, – отозвался Ганнибал. – Раз-два и обчелся, как говорится.

– А почему вы его назвали отцом, этого, как его, Николая? – спросила Вилька. – Странно!

– Что же странного? Мой лучший друг служит в церкви. В церкви Покрова. Священником.

У Петича сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

– Священником? – сухими губами прошептал он.

Ведь они же, когда шли сюда, видели во дворе священника!

– Да, а что тут такого? Понимаете, разные бывают профессии...

Петич это понимал. Не дурак. Профессии профессиями – не это его так взволновало!

Они с Вилькой переглянулись. Настала очередь котенку шлепнуться на пол уже из Вилькиных рук...

Глава IV. Три плюс два

Ребята были в замешательстве. Кому первому звонить? Тихоне? Если хозяин квартиры разрешит, то, конечно, они позовут на помощь своего старого знакомого. Но, видимо, Ганнибал пока еще никак не мог поверить в серьезность случившегося настолько, чтобы приглашать милицию. Да и что ей сказать? Что у него пропал найденный на улице камень?

Ганнибал потянулся к телефону и минуту поразмышлял, наверное, выбирая в своей памяти номер.

Когда он нажимал кнопки, Петич постарался подсмотреть и запомнить номер. На всякий случай. Он знал, что в новом деле может пригодиться любая мелочь, любая информация.

– Алло, Николай? Хорошо, что я тебя застал. – Художник старался говорить как можно спокойнее. – Спешишь? Жалко. Я хотел, чтобы ты ко мне заглянул. Что случилось? Понимаешь, кто-то был в моей квартире. Да, пропало. Камень мой исчез. Да, тот самый. – Ганнибал помолчал, наверное, выслушивая изумленные восклицания отца Николая. Трубка при этом смешно пищала. – Ну, спасибо. Я так и знал, что придешь.

Художник положил трубку, задумался. Петич был уверен, что думает он как раз о своем друге, этом самом отце Николае. А кто же еще мог утащить камень? И дураку понятно, что это сделал священник.

– Вы только не давайте ему опомниться! – брякнул Петич и сразу пожалел о сказанном.

– Что? – отвлекся от своих раздумий художник. – Кому не давать опомниться?

Лучше бы Петич помолчал в эту минуту. Есть же такая дурацкая реклама: «Иногда лучше жевать, чем говорить»! Но он уже не мог молчать. И жевать ему было нечего. Мороженое они с Вилькой съели. Раз начал говорить, слова уже сами продолжались...

– Ну, в смысле, огорошить его надо! Отца этого... Николая. Мол, зачем же камень взял? Попросил – и так бы дал! Он удивится, что вы знаете, что он взял...

Петич совсем растерялся, запутался в словах. Он понимал, что ляпнул глупость. Давать такие советы пожилому человеку! Как ему вести себя со своим же лучшим другом! Да, думать все-таки надо, а не жевать, перед тем как говорить, если молчать совсем не умеешь, это точно!

У художника расширились глаза, он набрал побольше воздуха...

«Сейчас завопит», – подумал Петич.

Наверное, Ганнибал Абрамович и собирался завопить, но только зашипел – громко, как питон Каа на обезьян в мультфильме «Маугли»:

– Да вы что себе позволяете, молодой человек? Как могли вы?! Про Николая... такое...

Но тут Ганнибал взял себя в руки. Это было видно по то-

му, как холодно сверкнули его сощуренные глаза, как губы тронула ухмылка.

– Виленька, милая. – Он даже не смотрел в сторону Петича. – Ты не обидишься, если я попрошу тебя прийти в следующий раз? Как-нибудь потом, ладно?

Вилька поспешно закивала, выпустила котенка прямо на колени старику и выкатилась в прихожую. По дороге она так сильно ущипнула Петича, что тот от неожиданности чуть не подпрыгнул до потолка. И как получилось у Петича в такой тесной прихожей обогнать Вильку? Он выскочил на лестничную площадку первый, потирая ущемленное место.

– Ты что? Больно!

На самом деле никакой боли от щипка Петич не чувствовал. Он чувствовал обиду. На старика, на Вильку, на самого себя... Все выходило как-то нехорошо, несправедливо. Шмыгнув носом, он на всякий случай поспешил вниз первым, чтобы Вилька не увидела его глаз.

Когда они вышли из подъезда, Вилька вздохнула и отвернулась, стала смотреть куда-то вдаль. Весь ее вид выказывал полное, безнадежное расстройство.

Увидев ее такой, Петич тихонько кашлянул и спросил:

– Он что, всегда такой нервный?

И Вилька взорвалась. Как будто ждала этих Петичевых слов.

– А ты всегда такой глупый? – воскликнула она. Похоже было, что сработала автомобильная сигнализация. – Все так

интересно начиналось, а ты раз – и испортил!

– Я, что ли, этот камень слямзил?

– Ты что? – Вилька выразительно постучала Петича по голове. – Продолжаешь прикидываться, что ли? Ты же обидел Ганнибала! Он зовет своего друга на помощь, радуется, что тот сможет прийти, а ты вдруг заявляешь, что этот друг и украл камень! Видел, как он расстроился?

Петич глубоко вздохнул и быстро зашагал прочь от этого дома. Мало того, что целый день ему рассказывали какие-то сказки про волшебные камни, метеориты и прочее, мало того, что он, рискуя жизнью, спас этого клоуна, который болтался на высоте тринадцатого этажа, – так его же еще и оскорбляют! По голове стучат. Обидный жест! Это хуже, чем дураком напрямую обозвать. Нет уж! Вот и поищите другого дурака!

Он несколько раз услышал, как Вилька громко позвала его. Сначала просто крикнула, потом в ее голос добавилось чуть-чуть просительной интонации, потом еще чуть-чуть, а потом Вилька уже просто попросила:

– Ну пожалуйста, подожди!

И только Петич собрался обернуться – так, будто нехотя, чтобы не показаться совсем послушным, – как вдруг уткнулся в какую-то черную жесткую бороду!

«Тьфу!» – чуть не сплюнул он, но сдержался и лишь сморщился. Оказывается, из-за угла дома прямо на него выскочил... священник! Конечно, тот самый.

«Отец Николай спешит на помощь», – подумал Петич и внимательно взгляделся в лицо священника, чтобы запомнить его.

На всякий случай. Да к тому же не очень часто встречаются бегающие священники.

Отец Николай и правда спешил. Прошмыгнув мимо Вильки, он исчез в знакомом подъезде.

– Видала? – мотнул головой Петич, когда Вилька подошла ближе. – И десяти минут не прошло со времени телефонного разговора. Наверное, недалеко живет.

– А почему ты об этом говоришь? – спросила она. – Ты что, следить за ним собираешься?

Петич промолчал. Ничего он не собирает. Выходит он из этой игры. Не будет ни за кем следить, очень надо! Потому что никто не хочет прислушаться к его мнению. Да еще и делают из него какого-то несмышленища, который, видите ли, обидел старика. Да старику этому думать надо научиться, прежде чем обижаться!

Ребята молчали. Вилька ждала, что скажет Петич, а он... Он просто жалел, что вляпался в эту историю.

И вдруг тяжелая рука легла на его плечо.

– Добрый день, ребятки, – услышал он и быстро оглянулся.

Перед ним стоял... ведущий передачи «Поле чудес»! Петич чуть было не воскликнул: «Якубович!» Но вовремя прикусил язык. Потому что человек был очень, очень похож на

Якубовича, но все же – не он. К тому же на его лице были толстые очки, которые ведущий телепередачи никогда не носил.

«Надо же, – подумал Петич, – как бывают похожи люди! Двойник он, что ли?»

– А вы... откуда нас знаете? – пролепетал Петич.

– Почему знаю? Пока не знаю, – добродушно рассмеялся незнакомец. – Просто одна тетенька пожаловалась, что вы здесь петардами баловались. Такой грохот устроили... Вы что же это, не знаете, что запрещено петарды взрывать в жилых кварталах, а?

В голосе «ведущего», однако, не было никакой угрозы. Он словно не ругал ребят, а ласково расспрашивал. Поэтому Петич растерялся и молчал, глупо улыбаясь. Зато Вилька затараторила, как пулемет или отбойный молоток, которым асфальт долбят:

– Да вы что? Это мы балуемся? Да пусть ваша тетенька, если она так за порядком следит, получше смотрит! Это малыши здесь петарды нашли и уже подожгли, а мы в самый последний момент отшвырнули их подальше. Вот он, – толкнула она Петича, – отшвырнул. Им бы глаза повыбивало!

Незнакомец улыбался:

– Верю, верю. Я, знаете ли, не очень-то доверяю всяким тетенькам, – сказал он и похлопал Петича по плечу. – Молодец. Если успел отбросить петарды, значит, хорошая у тебя реакция. Как у солдата Службы спасения. А вы не видели

кого-нибудь из взрослых во время взрыва?

Петич уже собирался сказать про священника, но посмотрел на Вильку. Она пожала плечами. Почему, он не понял. Но раз так, что, Петичу больше всех надо? Почему он должен рассказывать этому незнакомцу, кого видел, кого не видел? Следователь нашелся! И Петич выдавил:

– Да... нет. Вроде никого не видели.

– Ну ладно, ребятки, извините, что задержал. Да и мне пора.

И «ведущий» пошел дальше. И куда? К тому же дому, в котором жил художник! Тут Петич почему-то не удержался и сказал ему вслед:

– Священник перед взрывом здесь проходил. Но ваша тетенька-стукачка должна была тоже его видеть. Ведь на взрывы из всех окон повысовывались.

– Священник и петарды? – засмеялся незнакомец. – Это уже странно, да? Так, говоришь, все из окон выглянули? И заметили его?

Петич пожал плечами:

– А как вы думаете? Конечно, заметили. Только на него никто не пожаловался, а вот на нас сразу указали.

– Да привыкли жильцы, что подростки всегда хулиганят! – засмеялся «ведущий». – Не переживайте, ребятки, вы правильно поступили. Молодцы. Так держать!

И незнакомец скрылся в подъезде.

Петичу уже порядком надоела вся эта кутерьма. Петарды,

священник, камень... А главное и самое обидное, что художник, можно сказать, выгнал его из дома! Своего спасителя. Этого вынести Петич не мог. Обида есть обида. Просто так, в одну минуту, она не проходит.

– Пошли, – сказал он Вильке. – Хватит с меня! Поинтересней дела найдутся. А ты не расстраивайся. Придешь еще в гости к своему художнику. Нарисует он с тебя эту... «Анаконду». И узнаешь, чем история с камнем закончится.

Вилька прыснула смехом:

– Не «Анаконду», а «Джоконду»! Анаконда – это змея такая.

И покорно побрела следом. В эту минуту она не решалась спорить с Петичем. Наверное, понимала его обиду и чувствовала себя в какой-то степени виноватой. Ведь это она потащила Петича знакомиться с художником, смотреть таинственный камень. Хотя на самом деле ей просто хотелось, чтобы он увидел ее портрет... А после того как Петич показал себя настоящим героем, спасателем, – вон как все обернулось... Зря, зря так обиделся Ганнибал! И в своем гневе даже не подумал о том, что ребята могут помочь ему. И что сейчас делать? Не возвращаться же обратно в квартиру художника!

Вилька как мудрая девчонка рассудила следующим образом: позвонит она Ганнибалу, будто спросить про камень, и защитит Петича, объяснит, что просто поспешил он в своих подозрениях насчет отца Николая. И тогда Ганнибал, конеч-

но же, позовет их опять. И Вилька уговорит Петича опять прийти сюда.

«Хороший план», – вздохнула она с облегчением.

Когда они уже спускались к кольцевой дороге, чтобы опять пройти под мостом, Петич вдруг остановился и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.